

КОНФЛИКТ

ЧЕТВЕРТОЕ ДЫХАНИЕ ТЕАТРА НА ТАГАНКЕ

Театры, в числе первых откликнувшиеся на общественные перемены (или подготовившие их), первыми зафиксировали и неизбежное следствие этих тектонических сдвигов — трещины, переходящие во рвы.

Переживает драму Театр на Таганке, разделившийся на две труппы под одной крышей. Прояснить ситуацию «МН» попросили одного из «Пименов» театра, актера и режиссера Венямина СМЕХОВА.

— Как случилось, что театр, бывший на себя самоубийственную в российском обществе роль «луча света в темном царстве», ныне вступил на самоубийственную тропу раскола?

— Театр с ярко выраженным художественным лицом не может быть долговечным. Деление — естественный для него процесс, тому немало исторических примеров. Однако на Таганке сегодня спорят не о творчестве, борьба идет за жилплощадь, фактически — за изгнание главного режиссера. Да, Любимов во многом виноват в нынешней обстановке, как «виноват» он и в том, что создал этот театр. Он был синтезатором идей, искрой, приводившей мотор в движение. Воврав в себя и Художественный театр, и Мейерхольда, и Вахтангова, и авангард, и эстраду, он основал театр открытого общения со зрителем.

Свой положенный срок эта оригинальная театральная команда прожила в десять лет: 1964—1974. Это было, конечно, счастливое время, хотя тогда таковым мы его не считали. Мы просто работали, и все. Затем наступил кризис, ибо власть начала приручать театр. Пропорции кнута и пряника сейчас не важны, важно то, что прессинг дал нам второе дыхание, побудив обновить программу. «Ревизская сказка», «Мастер и Маргарита», «Дом на набережной», «Три сестры» стали событиями, знаками театальной истории. Но второе дыхание было столь же благополучно сверху и оборвано, когда там поняли, что Любимов неуправляем. Смерть Высоцкого свершила свое феноменальное дело, сообщив театру третье дыхание.

Вышли спектакли «Высоцкий» и «Борис Годунов».

Уже было ясно, что Любимов сделал колоссальный рывок. Он дал родительский импульс прекрасным театральным новациям. Убежден, что режиссура Эймунтаса Некрошюса, Анатолия Васильева, Роберта Стурца, Льва Долина несет на себе любимовское влияние. Открытый зал, сценические конструкции, сокращение «станиславских» штатов в театрах — тоже уроки Любимова. Разумеется, сам Станиславский к своим «веролобным эпигонам» отношения не имеет. Но сталинский «Станиславский», придворный МХАТ были выгодны всем, даже художникам. Я и в Америке видел следы разращения ползучим реализмом, так называемым психологическим театром — театром унылых, псевдоправдоподобных, воруящим возможности истинного зрелища, театра-праздника.

Но это — мимоходом. После ухода Высоцкого третье дыхание Таганки было пресечено. Началась коварная и успешная игра властей с выселением Любимова и вселением в театр неродного отца: гражданская трагедия Любимова и физическая трагедия Эфроса; ужасная расплата и помертвевшее поле театра... Но что случилось, то случилось. И незаконные наши притязания на четвертое дыхание казались нам тогда возможными и оправданными.

— После возвращения Любимова из-за границы?

— После возвращения в театр Губенко, скажем так. Десять дней, когда Любимов вернулся как гражданин Израиля и гость Губенко, были чарующим праздником. В действительности это была точка. Но мы не вняли знаку судьбы. Казалось, что актеры лишь обиделись, у Любимова планы грандиозные: он обновит театр, и все пойдет прекрасно. Советниками Ю.П. были старые друзья, ставшие исполнителями главных ролей в государстве, демократы (еще без кавычек). Но к искусству это уже не имело отношения. Таганка превратилась в торжественный пункт проката старых спектаклей, прежних побед. То, что народ по сей день к нам ходит, имеет касательство не к театру, а к народу. Зритель играет замечательно, это делает ему честь. Но не делает чести стране, которая ничем другим не кормит людей не может.

— То есть опыт работы на Западе Любимова не обогатил?

Репетиции «Бориса Годунова» — между третьим и четвертым дыханием...

— Западного режиссера Любимова не существует в природе. Есть абсолютно русский, абсолютно советский режиссер. Начав после возвращения репетировать «Пир во время чумы» или «Самоубийцу», Любимов не устал упрекать актеров: вы такие-сякие, совки, вот на Западе... Мы опустили головы: да, такие-сякие, ленивы и нелюбопытны. Но как-то я разговаривал с ассистенткой Любимова в Германии, и она мне рассказала, что свои репетиции Ю.П. предвещал упреками: не умеете работать, поучились бы у моих на Таганке... Любимов состоялся и мог состояться только в родном доме. Он создал Таганку, Таганка его создала, это театр соавторский.

— А что с четвертым дыханием?

— Ваш покорный слуга в 1989 году выступил с предложением, которое представлялось мне бесспорным, как дважды два — четыре: мы жили достойно, и достойно нужно закончить. Давайте на год распустим труппу, люди трудоустроятся, а потом Любимов создаст что-то вроде товарищества и приглашает играть кого хочет. Мне и сейчас это кажется правильным. Но добрая Алла Демидова спросила: а что будет с теми, кому некогда устроиться? Гуманно и логично. Любимов грубо разговаривает с актерами, но он не жестокий руководитель, он никогда никого не увольнял, в результате труппа разбухла. При том, что активно в ней работают 30—35 человек.

То, о чем мечталось, не вышло, и сейчас идут разборки. Во-первых,

без Любимова. А главный казус в том, как справедливо указал активистам раздела один электрик, что творческая судьба Таганки решается руками технического персонала.

— Но кто и почему против Любимова?

— Вы знаете, единственный вид законной монархии — театр. Если главный режиссер отказывается с тобой работать, выход известен — увольняйся. Не хочешь — мирись, доказывай свои способности на творческом уроке, а не с помощью закусных интриг. Нет театра, где бы главный режиссер был всем мил и хорош. Нет такого лидера, такого Ефремова, Эфроса, Товстоногова, против которого не копилась бы энергия протеста. Поэтому что театр — прекрасное и страшное место, где люди работают не на станках, а на собственном организме. В театре арифметикой ничего не решишь. Мастера Таганки, у которых есть крупный счет к Любимову — обиды, несправедливость и прочее, сегодня за него, ибо он олицетворяет театр. Кто против? За исключением двух ведущих актеров, это люди второго и третьего эшелона сцены, которыми манипулирует бывший министр, организуя некий оркестр под управлением нелюбви. Над всей этой ситуацией веет просто дьявольскими ветрами, желанием так уничтожить, так отомстить Любимову, чтобы его не было на Таганке. И не только на Таганке.

— Вы знаете выход из положения?

— Разумный компромисс пред-

ложил художник Давид Боровский: группа, которая хочет выделиться, предоставить третий зал Таганки, где, кстати, Анатолий Васильев ставил «Серсо», и если у них получится — дать им возможность арендовать театр.

— А что вы сейчас делаете у Любимова?

— Для меня театр закончился. Пока я пригоден для эксплуатации старых спектаклей, я участвую в прокате «Мастера и Маргариты», «Дома на набережной», «Высоцкого». Принял посильное участие в «Самоубийце». Моя режиссерская жизнь на Таганке тоже довольно смешна и тщедушна.

— Поэтому предпочитаете работать за границей?

— Я поставил оперу в Германии, спектакли в американских университетах. С декабря займусь пьесой Булгакова «Дон Кихот» в израильском театре «Хан». Поскольку подобных предложений в России у меня не было, я согласился.

— Огкровенно говоря, жалко, что люди искусства продолжают уезжать. Здесь тоже не хочется обращаться шерстью.

— Вслед за вашими справедливыми переживаниями соблазнительно ответно заперевать, что такой душевной теплоты, такого таланта общения, как в Москве, нигде нет. Я увидел здесь прекрасные спектакли — «Волки и овцы» Петра Фоменко, «Сотгу», «Игроки», замечательный фильм Павла Лунгина «Луна-парк». Я не был дома год и обнаружил, что в лучшем своем состоянии не изменилась, а если изменилась, то к лучшему.

Что касается отъездов, этот театр жизни не нами начат. Сейчас мы переходим на язык нормальных стран: человек работает там, где хочет. Я все больше убеждаюсь, что мы со страшными, уродливыми издержками, но обретаем черты цивилизованного мира. Для актеров Америки норма, что восемь месяцев в году они зарабатывают, чтобы четыре месяца играть на сцене. Это к вопросу о том, чем жить Таганке...

Беседу вел
Ольга МАРТЫНЕНКО

Р.С. На недавней пресс-конференции ведущие актеры Таганки в один голос заявили, что затеянный Н. Губенко раздел помещения театра аморален и незаконен, и выразили готовность идти в своей правоте до конца.